Женитьба Елли Одэ / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy,Satiriki hekaýalar
написано kitapcy | 24 января, 2025
Женитьба Елли Одэ / рассказ ЖЕНИТЬБА ЕЛЛИ ОДЕ

I.

По-видимому, он появился на свет в один из тех не любимых туркменами дней, когда ветер со свистом сотрясал кибитки, угрожая сорвать их и опрокинуть, и потому его назвали Елли, что значит «Ветреный». Прозвище это соединили потом с именем отца да так и вписали в паспорт — «Елли Одэ».
Нам неизвестно, какой собой был бедняга Одэ, а сын его Елли до того был невзрачен и мал ростом, что какую бы одежду ни надел, все болталось на нем, как на мальчишке, нарядившемся в отцовский костюм. Он то и дело поддергивал рукава пиджака, спадавшие до самых ногтей.
К тому же он был очень некрасив, даже уродлив: голова была вытянута как дыня, большой длинный нос торчал над лихо закрученными усами и мясистыми толстыми губами, а глаза до того были малы, что их почти и не видно было под густыми нависшими бровями.
Но все это нисколько не мешало Елли носить великолепную белую папаху и чувствовать себя настоящим красавцем.
Но он не был глупцом. Нет, он был и умен, и хитер, и был бы дельным работником, если бы не был таким легкомысленным. Таким образом, хотя имя Елли ему дали совершенно случайно, но оно вполне соответствовало его характеру.
Однажды вечером этот Елли, откинув тяжелые портьеры, важно вошел в один из лучших ашхабадских ресторанов, остановился на минуту, окинул взглядом огромный зал с ярко горевшими люстрами, посмотрел на шумные компании за белыми столами под пальмами, на музыкантов, усердно пиликавших что-то на эстраде, и так же важно направился к еще не занятым столам в самом центре зала.
За ним почтительно следовала его свита — пятнадцать друзей и

приятелей.
Молча, величественным жестом Елли Одэ приказал официантке сдвинуть два стола, сел на почетное место и пригласил свою свиту к столу.
Официантка, в легком белом фартуке, в белой кружевной повязке, стягивавшей пышные волосы, с карандашом и блокнотом в руках, почтительно склонилась к нему и ждала, что он прикажет подать.
Но Елли не торопился. Он щурился и смотрел по сторонам на веселые компании, звеневшие бокалами.
— Ну, Елли, что же мы закажем? — сказал плотный мужчина из свиты Елли — большой любитель покушать.
Елли заморгал своими маленькими поросячьими глазами.
— Да все, что полагается. Прежде всего хорошего коньячку, водочки. Ну, и шашлык, конечно. А пока он жарится, принесите что-нибудь… Что у вас есть готового?.. Что вы хотите, друзья? Не стесняйтесь, заказывайте сами кто что любит.
Свита Елли оживилась и наперебой стала заказывать самые разнообразные блюда и вина. Официантка едва успевала записывать.
Через четверть часа, когда оба сдвинутых стола были почти сплошь покрыты тарелками со всевозможными закусками и целой батареей бутылок, плотный мужчина, любитель покушать, налил в бокалы прозрачный золотистый коньяк, потом высоко поднял свой бокал и торжественно провозгласил тост:
— За здоровье нашего Елли Одэ!
— Ну что ты, что ты!.. Не с этого надо бы начинать, — нахмурясь, с притворной скромностью запротестовал Елли, но все же звонко чокнулся со всеми и выпил за свое здоровье.
Потом пили за здоровье всей компании и каждого в отдельности. Наконец все раскраснелись, залоснились, засверкали глазами, и началась веселая беседа.
— Эх, друзья, как бы там ни было, — поддергивая рукава, говорил Елли, — а самое главное в жизни — это счастье. И если ты родился счастливым, то будь ты хоть нищий, а все-таки рано или поздно птица богатства и счастья спустится с неба на твою голову. Конечно, надо трудиться, работать. Если ты будешь лежать, никакое богатство не залетит к тебе, как мошкара сове

в рот. Ну, а вот я, например? Разве я не тружусь, не работаю день и ночь? Честное слово, глаз не смыкаю! Зайдите, посмотрите на мой колхоз, все в образцовом порядке. А другие председатели — лежебоки, лентяи, и ногтя моего не стоят, и колхозы-то у них еле дышат, а их премируют. Почему? Да потому, что это дело счастья.

Часть захмелевших друзей Елли усердно поддакивала ему:

— Да, да, все дело счастья!..

Эти люди были из тех, которым покажи цветок персика и скажи: «Вот цветок инжира» — и они не станут спорить, чтоб не обидеть друга.

А другие друзья, которые отлично знали, что за председатель Елли, только улыбались, слушая его хвастовство.

Наконец, были и такие, которые улыбались, а вместе с тем и усердно поддакивали Елли:

— Да, дело счастья…

— Счастье-то счастьем, — продолжал Елли, горячась все больше и больше, — а между нами говоря, наши районные руководители плохо еще разбираются в людях. Честное слово! Ну что это? Последнее время чуть не каждую неделю вызывают меня в район, отрывают от работы и ругают. И за что же? За то, что я будто бы ничего не делаю, все взвалил на секретаря да на членов правления. Обидно же это слушать! Я говорю: «Да вы видели моего секретаришку и всех этих бородачей, членов правления? Да разве они сделают что-нибудь, если я не подстегну их и не укажу, что надо делать? Это же лодыри!..»

Нынче опять вызвали и опять же ругать: «Ты неправильно распределяешь работы! Не так учитываешь трудодни!» Это я-то неправильно! Ну что с ними поделаешь? И ругают и премируют — все невпопад! И понимаете, до чего договорились, будто бы мой колхоз — это мой-то «Новый аул»! — уж чуть ли не образец отсталости и позорит весь район. Тут уж я не выдержал. «А-а, так! — говорю. — Тогда вы скажите это колхозникам. Пусть они выберут и посадят на мое место секретаришку или кого там хотят. Увидите, какие у вас пойдут образцы! Вспомните еще Елли!..»

Так они сразу притихли и на попятную: «Нет, зачем же тебя

снимать? Ты можешь работать, если захочешь…»
«Ага, – думаю, – не так-то просто вытолкать Елли за дверь. Вытолкаешь, да потом уж не вернешь и другого Елли не найдешь. Поняли все-таки…» А вот Сахату счастье! Честное слово! Премировали ни за что ни про что…
И опять друзья Елли – одни переглянулись и заулыбались лукаво, а другие забормотали, как попугаи:
– Да, ни за что ни про что…
Елли чокнулся с ними, выпил стакан вина и задумался. Но сейчас же вскинул голову и заговорил:
– Да, друзья, если ты родился счастливым, так найдутся и девушки, райские пери. Они сложат перед тобою крылья и скажут: «Я тебя слушаю. Чего тебе угодно?..» И они есть, есть эти пери!
Он улыбнулся широкой пьяной улыбкой и самодовольно погладил грозно торчавшие усы.
– Я ведь влюбился, братья мои! И в кого?.. В настоящую райскую пери. И она умирает от страсти ко мне! Если б вы ее видели! Но… у нее такой отец и такая мать – жестокие люди! Мы с ней как Зохре и Тахир, а отец ее настоящий Бабахан. Честное слово!
Друзья весело засверкали глазами, уставились на Елли и не знали, что делать. Им хотелось смеяться, но они боялись обидеть Елли. Но все думали: «Да какая же это дура умирает от страсти к такому красавцу? К тому же он не молод. Ему уже за сорок…»
А Елли крутил усы и говорил:
– Если дело пойдет на лад, приглашу всех на свадьбу. И на какую свадьбу! Какой во всем мире еще не бывало. У меня широкая натура! Вот увидите… Только теперь буду умнее. Видите ли, когда я раньше женился, я на свадьбу резал всегда четное число баранов – четыре, шесть, восемь, оттого-то я и не уживался со своими женами, пришлось с ними расстаться. Четные числа, видно, к несчастью. А нечетные числа – три, семь, девять – говорят, священные числа. Вот я и зарежу теперь на свадьбу семь баранов и буду самым счастливым мужем.
– Да, да, это хорошее число! – поддакивали Елли его друзья, хотя давно уже не верили ни в чет, ни в нечет. Но им хотелось

подзадорить Елли и послушать его смешную болтовню о красавице пери.
— И вот всегда у меня так: счастье вот оно, уж в руках, а все-таки что-то мешает, какой-то пустяк, Эх, если бы мне уломать этого старого Бабахана!..
Елли облокотился на стол, опустил голову на руку и трагически затряс головой.
— Да у тебя же весь колхоз в руках, — сказал один из его друзей, — а ты горюешь! Неужели тебе нечем смягчить сердце этого Бабахана? Ты же богатый человек.
— Э, — крикнул с досадой Елли, — если б он был один! Хуже всего то, что есть еще и Кара-Чомак. Я вот сейчас покажу вам.
И он стал шарить в кожаной сумке, висевшей у него на боку.
— Вы не думайте, что я такой уж простак. Я очень бдительный человек! За всем и за всеми присматриваю. Вот как-то в правление приходит письмо, и кому же? Моей пери. Э, думаю, это нельзя пропустить мимо рук. Распечатал конверт, а в письме-то еще и карточка этого негодяя Кара-Чомака. Вот полюбуйтесь! И прочитайте, что пишет… Только одну минуту…
Елли, надо полагать, не был лишен благородства. Он вынул карандаш, старательно зачеркнул в письме имя девушки и подпись таинственного Кара-Чомака и пустил по рукам письмо и карточку.
Письмо не пошло дальше третьего человека, а карточка быстро облетела всех.
А Елли, гневно вытаращив глаза и весь напыжась, говорил:
— Видите, видите, каков этот Кара-Чомак?
А Кара-Чомак на карточке вовсе не был похож на злодея. Красивый юноша в чине сержанта, в пилотке, сдвинутой набок, с двумя орденами на груди, сидел в кресле и улыбался самой простодушной улыбкой. Ему было не больше двадцати трех лет, и зубы у него были как бисер.
В письме он писал:
«Моя любимая… (Имя девушки Елли так затер карандашом, что его уж невозможно было разобрать). Если б ты знала, как я соскучился по тебе, по родному аулу! Сейчас весна, и я так живо представляю, как цветут в ауле сады и под твоим окном стоит молодая айва в белых крупных цветах, как невеста. На

полях народ, гудят тракторы!.. Чувствую я себя хорошо. От ран моих остались только небольшие шрамы. Так что напрасно ты беспокоишься о моем здоровье. Я скоро демобилизуюсь, приеду домой, и наконец придет то счастье, ради которого я проливал кровь на фронте. И так хочется работать в родном ауле рядом с тобой! Только вот пишут ребята, что Елли ваш задурил чего-то, стал плохо работать и колхоз пошатнулся. Но ничего, мы его возьмем в оборот. Народ у нас в колхозе хороший, трудолюбивый, и никогда не допустит, чтоб колхоз покатился под гору. Я в этом уверен. С нетерпением жду дня, когда увижусь с тобою. Не забывай меня! Будь счастлива!»

Письмо это прочитали только двое самых любопытных, а карточку посмотрели все.

— А парень-то, видно, хороший, настоящий джигит, — сказал один из друзей Елли, посмотрев карточку.

— Хорош джигит!.. — закричал Елли и заерзал на стуле. — Говорю тебе — негодяй! Настоящий Кара-Чомак! Собирает всякие сплетни про меня и строчит моей пери, хочет, чтоб она отвернулась от меня. А она плюет на него и на все его сплетни!

— Э, да он это писал еще весной, — сказал один из тех, кто читал письмо, — а теперь уж лето. Смотри, Елли, не зевай! Он может вот-вот приехать и отбить у тебя красавицу. Все-таки он моложе тебя, и у него вон два ордена…

— Да пусть приезжает! — усмехнулся Елли. — Мы ему покажем.

И он энергично потряс кулаком.

— Конечно, покажем! — заголосили хором уже сильно захмелевшие друзья Елли. — Подумаешь, какой-то сержантиш-ка!.. За твое счастье, Елли!

Дружно зазвенели бокалы. Все выпили.

— Э, вы еще увидите мое счастье! — самодовольно улыбаясь, сказал Елли. — Приглашу вас всех на свадьбу и покажу вам девушку с лицом прекрасным, как луна…

Друзья пировали. Время шло. Троим уже надоела болтовня Елли, и они незаметно ушли из ресторана. Но их места не остались пустыми. Их заняли другие друзья Елли, завернувшие в ресторан выпить кружку пива, потом, гремя стульями, к шумной веселой компании пересели от соседних столов какие-то пьяные, совсем

уж незнакомые люди. А Елли всех радушно угощал и болтал без умолку.
Наконец, в два часа ночи, подошла официантка и сказала, что ресторан закрывается, и положила перед Елли счет.
— Сколько там? — спросил Елли, ткнув пальцем в счет.
— Девятьсот семьдесят пять рублей тридцать четыре копейки…
Друзья Елли, услышав эту цифру, на минуту протрезвели, заморгали глазами и стали рыться в карманах. Одни вынули по пятьдесят рублей, другие по сотне, а третьи сделали вид, что они совершенно пьяны и ничего не слышат.
— Вот, Елли, расплатись за нас, — говорили друзья, протягивая деньги.
Но Елли величественным жестом отстранил их руки и сказал с укоризной:
— Да что вы, не туркмены, что ли? Не знаете нашего обычая? Я вас пригласил, я и плачу. Уберите свои гроши! Спрячьте поглубже в карман.
И, вынув из кожаной сумки пачку денег, перехваченную крест-накрест узкими полосками серой бумаги с надписью «1000», с величавой небрежностью протянул официантке.
— Вот вам… В расчете?
— Да, в расчете, спасибо! — сказала официантка и стала убирать посуду со стола.
Пьяные друзья встали, и малорослый Елли сразу затерялся среди них, как в дремучем лесу. Так показалось официантке, и она подумала: «И весь-то с ноготок, а богатый…»
Елли протиснулся вперед и, важно покачиваясь, вышел из зала. Следом за ним шла его свита, но не так уж почтительно и не так бодро, как раньше.

II.

В колхозе «Новый аул» на самом краю возле мельницы стоял дом, а за ним шелестел садик старика Ханкули. Впрочем, его не следовало бы называть стариком. Хотя ему и было уж под шестьдесят, но выглядел он еще молодцом. Высокий, прямой, с черными густыми бровями, с пушистой, уже начавшей седеть

бородой, он казался значительно моложе своих лет и не утратил еще свою красоту.
Зато жена его, Тяджгуль, хотя и было ей всего-то сорок пять лет, уже увяла от забот и выглядела старше своего мужа.
Ханкули не любил утруждать себя и устроился сторожем на мельнице, а Тяджгуль усердно работала в поле и дома еще разводила шелковичных червей, готовила обед, ухаживала за скотиной. Все это, конечно, не молодило ее.
У них были сын и две дочери. Сын обзавелся семьей и отделился от них. А старшую дочь они давно уже выдали замуж. Осталась у них в доме одна младшая дочка Бахар.
Бахар вместе с матерью разводила шелковичных червей, ткала ковры. И они вдвоем зарабатывали гораздо больше, чем ленивый Ханкули.
Ханкули, надо сказать, был очень скупой человек. Когда Тяджгуль и Бахар сдавали коконы в городе или продавали ковры и привозили домой деньги, шелк, ситец на платья, они должны были все — и деньги и покупки — сейчас же сдать Ханкули для учета дохода и расхода. Такой уж закон установил Ханкули.
Он садился, раскладывал перед собой деньги и покупки и начинал считать, и если они потратили в городе полтора-два рубля на мороженое или на два чайника зеленого чая, он поднимал такой крик, как будто они промотали все его состояние.
— Как же так!.. Куда же вы дели? Тут не хватает полтора рубля!..
В тот день, когда Елли Одэ пировал с друзьями, в ресторане, в доме Ханкули произошло такое событие.
Рано утром Бахар и Тяджгуль аккуратно сложили в корзины голубоватые, желтые первосортные коконы и, надо сказать, сложили их немалое количество. Они собрали по восемьдесят килограммов с каждой коробки грены — так они умело и старательно выкармливали своих шелковичных червей.
Потом они сняли со станка только что сотканный превосходный текинский ковер, все это вынесли во двор, положили на колхозный фургон и поехали в город.
К вечеру они вернулись из города с пустыми корзинами и с мешком, туго набитым шелком-сырцом, четырьмя кусками красной

домотканой шелковой материи на платье и ситцевыми тканями с яркими пестрыми цветами. В руке Тяджгуль держала платок, в котором были завязаны деньги.
Вернулись обе усталые, пыльные, но очень довольные и даже веселые.
Как только Тяджгуль переступила через порог дома, Ханкули сейчас же выхватил у нее из рук платок с деньгами и стал допрашивать, почем сдали коконы, сколько получили за ковер, сколько заплатили за материю.
При этом он проявил такую жадность и такую подозрительность, что даже Тяджгуль, и та удивилась, хотя она давно уже привыкла к таким допросам.
Когда Тяджгуль сказала ему, сколько они получили за коконы, Ханкули закричал:
— Да разве по такой цене сдают коконы?
— А по какой же? — закричала и Тяджгуль. — Сходи сам в город и спроси!
— Сходи!.. Чего теперь ходить, когда весовщик-то вас наверняка обвесил! А вы, дуры, поленились, конечно, пересчитать деньги! Дал вам кассир, а вы и поверили, завязали в платок… Он всех обсчитывает!
— Вот уж верно говорит пословица, — сказала Тяджгуль. — «Вору и развратнику кажется, что и все вокруг воры и развратники». Так и ты, Ханкули. Да что мы, ослицы, что ли, с Бахар, и у нас ни глаз, ни ума нет? Весовщик правильно взвесил… На наших глазах. Деньги и кассир считал и я считала. Да никто и не зарится на нашу копейку! Кому она нужна? Все своим трудам зарабатывают.
Ханкули сел на кошму, расстелил перед собою платок с деньгами, нахмурился, надул губы и, поплевывая на пальцы, стал считать. И это занятие целиком поглотило его всего.
Он считал с такой жадностью, что можно было подумать, что эти деньги он сам заработал, проливая кровавый пот, тогда как он не только не срезал и не принес ни одной ветки тутовника для червей Тяджгуль и Бахар, но даже ни разу не наточил и серпа. Тяджгуль и Бахар сами точили серп, хотя это вовсе не женское дело.

Ханкули сосчитал деньги и вдруг испуганно вытаращил глаза на Тяджгуль и закричал так, как будто его обокрали:
— А где же, где еще пять рублей? Куда ты их дела?
— Ай, Ханкули, да как тебе не стыдно? — сказала Тяджгуль. — Если б ты видел, сколько народу собралось сдавать коконы! Мы ждали, ждали своей очереди, жара, духота. А тут рядом открылась новая чайхана. Мы с Бахар выпили по чайнику чаю и съели по две пышечки. Потом Бахар захотелось мороженого, и она купила себе…
— Да что, вы умерли бы, что ли, без мороженого? — кричал Ханкули. — Чаю-то и дома могли бы напиться. Мотаете деньги зря! А к чему это все накупили? Зачем эти шелка и ситцы?
— Ну, а как же, Ханкули, — старалась успокоить его Тяджгуль, — дочка наша уже невеста. Сколько приходило сватов-то! А у нее нет ничего. Надо же ей приодеться. Вот я завтра скрою и сошью ей шелковое платье… Ведь она это сама заработала, своим трудам.
— Посмотрите, посмотрите на них! — не унимался Ханкули. — Мать и дочка сговорились по дороге, придумали себе оправданье! Тоже захотели в шелка наряжаться! Надо бы покупать что-нибудь подешевле. Нечего зря мотать!
— Как это подешевле? — от души возмутилась Тяджгуль. Она давно уже мечтала увидеть в нарядном шелковом платье свою красавицу дочку. — Мы-то с тобой уже прожили свое. На нас хоть мешок надень, никто не удивится. А у Бахар молодое сердце бьется. Ей замуж пора…
Ханкули весь передернулся, как будто его хлестнули кнутом.
— Замуж!.. Да что я, шелковое платье, что ли замуж выдаю? Дочь выдаю!.. Кто собирается жениться не на ней, а на платье, тот пусть и к двери не подходит!
Он запер деньги в сундук, сердито хлопнув крышкой, и вышел из дома.
Бахар слушала все это, но по древнему обычаю не проронила ни слова, хотя вся дрожала от гнева. И только когда вышел отец, она сказала матери:
— Когда же он наконец перестанет быть таким скрягой?
Тяджгуль горько усмехнулась.

— Э, дочка, он не перестанет скряжничать и не расстанется со своим сундуком, пока его не всунут в могилу. Я никому не говорю… Зачем его позорить? А сколько я от него вытерпела?
И она вытерла ладонью две крупные слезы, покатившиеся по морщинистым щекам.
Да, Тяджгуль никогда не жаловалась на Ханкули и всячески старалась скрыть от чужих людей его чрезмерную скупость.
Но можно ли было скрыть то, что каждую минуту бросалось всем в глаза? Если у Ханкули в тыквенной табакерке был жевательный табак, он все равно тянул свои толстые пальцы к табакеркам других людей. А его табак высыхал, терял свою силу, и его приходилось выбрасывать.
Соседи не раз говорили ему:
— Ну чего ты жадничаешь, Ханкули? Ведь у тебя денег полон сундук, а ты живешь как дервиш. Не пьешь, не ешь, ходишь в каком-то старье. Или ты думаешь, что деньги тебе пригодятся в могиле? Чудак! Ешь, пей, одевайся! Живи, как люди живут!
Соседи не раз говорили ему:
— Ну чего ты жадничаешь, Ханкули? Ведь у тебя денег полон сундук, а ты живешь как дервиш. Не пьешь, не ешь, ходишь в каком-то старье. Или ты думаешь, что деньги тебе пригодятся в могиле? Чудак! Ешь, пей, одевайся! Живи, как люди живут!
— Э, что вы понимаете! — презрительно усмехался Ханкули. — Мудрость жизни — не ослиный помет. Ее надо понимать….
А потом от души смеялся над ними и говорил жене:
— Ты только посмотри на этих мудрецов! Они учат меня уму-разуму!..
Его единственный сын не вынес жадности отца и отделился. А когда уходил на фронт, строго наказал жене:
— Если тебе туго придется, нечем будет кормить детей, проси помощи у кого хочешь, но только не у отца. Не хода к нему. Он все равно и корки хлеба не даст. Слышишь? Умирать будешь, а все-таки не ходи!
К счастью, жена у него была работящая, и ей ни к кому не пришлось обращаться за помощью.
Вот эта-то жадность Ханкули и этот семейный разлад и состарили Тяджгуль раньше времени. И больше всего она беспокоилась за

судьбу своей младшей дочки Бахар. Многие и хорошие люди не раз присылали сватов, но Ханкули каждый раз говорил им:
— Э, какая там свадьба, когда война еще не кончилась и сын у нас на фронте! Вот вернется сын, наладится жизнь, тогда и будем говорить об этом. А сейчас не время.
Простодушная Тяджгуль сначала верила, что он так и думает, а потом, когда уж и сын вернулся с фронта, а Ханкули все отказывал сватам под разными предлогами, она поняла, что он ждет, когда за Бахар посватается какой-нибудь выгодный человек — или заведующий кооперативом или кто-нибудь из районных властей. Он и в этом деле боялся продешевить.
Но вот после того дня, когда Тяджгуль и Бахар ездили в город сдавать свои коконы, к Ханкули все чаще и чаще стал забегать человек особой профессии — «чакылыкчи».
Если кому-нибудь понадобится пригласить в гости почтенного человека, то зовут «чакылыкчи» и поручают ему это дело.
И вот Ханкули каждый день стал уходить куда-то и воз-вращаться домой поздним вечером. Наконец однажды в сумерки Тяджгуль увидела, что колхозный сторож гонит во двор к ней семь баранов, а за ним шагает верблюд, нагруженный какой-то поклажей.
Тяджгуль удивилась:
«Что это значит? Зачем это он к нам гонит баранов?..»
А сторож молча загнал баранов в угол двора, снял с верблюда и положил у порога дома два мешка с рисом, масло в кувшинах и еще какие-то узлы, и она догадалась, что все это богатство прислал какой-то неведомый жених Бахар для свадебного пиршества.
Из дома вышел Ханкули и вместе со сторожем торопливо перетащил мешки в дом, проводил сторожа, запер ворота и сказал жене:
— Я нашел Бахар жениха, лучше и быть не может. Правда, он любит выпить, но это ничего, не нам с тобой отвечать на том свете за его грехи. Зато богатый. И нам от него большая будет выгода… Только пока никому не говори об этом. А то набежит народ, угощай всех!.. Завтра зарежем двух баранов, придет кое-кто… Ты одна-то не справишься. Возьми себе двух помощниц, и я позову кого-нибудь себе на помощь. Вот тут в платке наряды

всякие. Отдай Бахар, пусть принарядится! Видишь, какой жених-то щедрый! Ничего не жалеет для нашей Бахар…
Сжалось, заныло сердце Тяджгуль. Она не очень-то верила, что Ханкули нашел для Бахар хорошего жениха, она знала, что им руководила при этом не любовь к дочери, а одна только жадность. Но она ни слова не сказала мужу и отдала узел с подарками Бахар, которая как раз в это время вернулась с работы.
Бахар удивилась, но не нахмурилась и не заплакала, чего с болью в сердце ожидала Тяджгуль, а, наоборот, очень весело зажгла лампу, развязала узел и стала примерять до-рогое шелковое платье, красное, как пламя.
Крутясь перед зеркалом, она одернула платье, поправила шнуры у воротника, надела на голову шитую серебром тюбетейку, на пальцы золотые кольца, навесила под самую шею большую круглую брошь из позолоченного серебра с красны» ми дорогими каменьями, перекинула густые черные косы на грудь и лукаво заиграла глазами, засверкала, как жемчугом, белыми зубами.
— Ах, Бахар! — с восторгом и умиленьем сказала Тяджгуль, покачивая головой. — Ты и в самом деле Бахар[2]. Расцвела, как яблоня… Будь счастлива, моя милая!..
На другой день рано утром Тяджгуль видела, как Бахар опять крутилась перед зеркалом в новом платье, а потом почему-то порывисто сдернула его с себя и бросила в угол. Тяджгуль не обратила на это внимания, потому что была очень озабочена.
Она и Ханкули еще на рассвете тайком от людей позвали себе помощников, зарезали двух баранов и готовили теперь шашлыки, плов, пекли хлеб, кипятили чай для всадников и молодых женщин, которые должны были приехать за невестой.
Они с головой ушли в эти хлопоты. А время шло. Солнце поднялось уже на высоту птичьего полета. Ханкули и Тяджгуль приоделись и то и дело посматривали за ворота на улицу — не едут ли всадники. Но их все еще не было видно, и это уже начинало беспокоить Тяджгуль.
— Что ж это такое? Давно все готово, а они почему-то не едут, — недоумевала она.
— Э, что ты понимаешь! — сказал Ханкули. — Они ждут гостей из

района, а может быть, даже из Ашхабада. Нельзя же без них…
И в самом деле в это время по улице, поднимая пыль, проехала потрепанная легковая машина, в которой сидели какие-то незнакомые городские люди.
— Ну вот, я тебе говорил! — почесывая бороду, сказал Ханкули. — Сейчас приедут.
Тяджгуль заволновалась и побежала в дом, чтоб предупредить Бахар. Но, переступив порог, она вдруг застыла в недоумении. Свадебное платье, тюбетейка и драгоценные украшения в беспорядке валялись в углу, а Бахар не было.
— Ой! — дико закричала Тяджгуль, схватившись за голову. — Эта бесстыдница сбежала!.. Она опозорила нас на весь свет!
— Да что ты, дура, глотку дерешь! — закричал и Ханкули. — Куда она могла сбежать? Наверное, побежала на минуту к невестке.
— Да как же не сбежала? Ты посмотри только… Она ничего не надела, все побросала.
Ханкули заглянул в дом и, нахмурясь, затеребил седую бороду.
— И давно ее нет?
— Да не знаю… Не видела, как она прошмыгнула. Утром она надела платье, и вот оно тут, а ее нет…
— Эх, старая дура! Тебе бы верблюдов пасти, а не дочь!
Ханкули разразился было страшной бранью, но вдруг посмотрел на ворота и замолк. Приосанился и закашлял в ладонь.
Во двор вошел секретарь правления колхоза и двое незнакомых городских людей. Один из них, толстый, в очках и с портфелем; вежливо поздоровался с Ханкули. Ханкули засуетился:
— Добро пожаловать! Заходите, заходите в дом! Эй, жена, постели-ка скорее ковер!
— Добро пожаловать! Заходите, заходите в дом! Эй, жена, постели-ка скорее ковер!
Во двор въехал колхозный фургон, на котором сидел конюх Мамед, и остановился возле дома.
«Ой, Бахар! — подумала Тяджгуль, торопливо расстилая ковер. — Вот уж и гости пришли… Где теперь ее искать?..»
— Нет, нет! — сказал человек в очках. — Не беспокойтесь! Мы на минутку по делу. Это вы Ханкули Байрам-оглы?
Ханкули беспомощно кашлянул в ладонь и сказал:

— Да, я Ханкули…
— Так вот, мы из прокуратуры. Скажите, пожалуйста, председатель колхоза Елли Одэ-оглы вчера вечером присылал вам баранов и кое-какие вещи?
Человек в очках открыл портфель, вынул бумажку и стал перечислять:
— Да, семь баранов, пять пудов рису, пять пудов муки, полпуда топленого масла, три пуда кунжутного масла. Правильно?
— Да, как будто так… — сказал Ханкули и, поперхнувшись, опять закашлял.
— Видите ли, все так же спокойно и вежливо продолжал человек в очках, — все это принадлежит колхозу, а вовсе не Елли Одэ. Он украл это самым бессовестным образом.
— Как украл? — удивился Ханкули. — Он же мне сказал, что все это его, он сам заработал. Как же так?
— А так! Он не только это украл. Он присвоил себе немало того, что должен был раздать колхозникам по трудодням. Он, конечно, ответит за это. А сейчас разрешите взять все, что он прислал вам.
— Да берите, берите! — замахал руками Ханкули, перепугавшись, как бы и его не притянули к ответу. — На что мне ворованное!.. Только я ничего этого не знал. Честное слово!
И вместе с конюхом стал складывать в фургон все дары щедрого Елли Одэ.
Тяджгуль, бормоча себе под нос: «Ай, боже мой, какой позор!», тоже поспешно связала в платок шелковое платье, тюбетейку, шитую серебром, дорогие украшения и сунула в фургон.
Секретарь правления колхоза, человек в очках и его товарищ сели на повозку и поехали.
А конюх следом за ними погнал пять баранов.
— А где же еще два барана? — вдруг строго спросил человек в очках, посмотрев на баранов, потом на Ханкули.
«Да вот они, в казанах!.. Все еще целы…» — хотел сказать Ханкули, но постыдился и только виновато почесал переносицу.
— Так я вас, Ханкули-ага, попрошу сейчас же следом за нами прийти в правление колхоза.
А Ханкули поник, ссутулился и уныло побрел за ворота. Тяджгуль

стояла у порога, смотрела ему в спину и дрожала от страха, как в лихорадке.
Ханкули вернулся уже после обеда сильно расстроенный.
— Ну как, Ханкули? — робко спросила Тяджгуль. — Все ли благополучно?
— Э! — махнул рукой Ханкули. Я всегда говорил: все эти моты — подлецы и негодяи! Кто не бережет копейку, обязательно сядет за решетку. Хорошо, что я еще выпутался…
— Ну, слава богу! — с глубоким вздохом облегчения сказала Тяджгуль. — Но где же Бахар? Куда она делась?
— Э, Бахар!.. Бахар твоя замуж вышла! — закричал Ханкули.
— Как замуж? — всплеснула руками Тяджгуль. — Что ты болтаешь?.. Как же так? Ни отцу ни матери ничего не сказала!..
— Теперь не сказываются, сами замуж выходят…
— Да за кого же?
— Да за этого… сына Акмамеда, Мурада, что недавно из армии вернулся.
— О! — вдруг вся посветлела Тяджгуль. — Ну что ж, это хорошо. Он хороший человек!
— Хороший, — заворчал Ханкули. — А я из-за него чуть не сел за решетку вместе с этим негодяем Елли. Ведь это он и Бахар все это дело подстроили.
— Как он?.. Как они?.. Ничего не понимаю! — заволновалась Тяджгуль.
— Очень просто. Поехали нынче утром в район и рассказали все про Елли прокурору, а заодно и расписались там в районе. Ну что же теперь с этими казанами делать? Наварили без толку…
Ханкули уставился на казаны с жирным пловом и задумчиво почесал затылок.
— Хуже всего то, что своих двух баранов придется отдать в колхоз. Вот что сделал с нами этот негодяй Елли!
— Ну что же, и отдай! — сказала Тяджгуль. — А что наварили не пропадет. Даже и хорошо, что наварили. Ведь надо же справить свадьбу Бахар.
— Справить! — закричал Ханкули. — Я, что ль, буду справлять своими баранами? Жених должен справлять!
— О, да он отдаст! Он не поскупится. Он любит Бахар. Я-то уж

знаю! Он и стадо баранов для нее не пожалеет.
— Ну?.. Разве он такой? — удивился Ханкули. — Тогда я сейчас отведу двух баранов в правление…
Он вошел в хлев, долго приглядывался к баранам, наконец выбрал двух самых тощих и погнал за ворота.

Ата КАУШУТОВ.

Перевод Б.Шатилова. Satiriki hekaýalar